

Я и не представлял, что такие персонажи
существуют за пределами книг.

*Сэр Артур Конан Дойл. Этюды
в бафровых тонах*

ОДИН

Впервые я встретил ее на исходе одного из самых обычных будних дней, какие только и бывают в школах типа Шеррингфорда. Было немного за полночь, и последние несколько часов я сидел в своей комнате с ледяным компрессом на вывихнутом плече — результат тренировки по регби, окончившейся, едва начавшись. Подобное здесь не редкость, это я понял сразу, в первую же неделю, когда капитан команды пожал мне руку с таким голодным видом, что, казалось, сейчас зальет пол слюной. Команда Шеррингфорда по регби уже много лет подряд каждый сезон оказывалась последней в своем дивизионе. Но только не в этом году; Клайн постоянно напоминал мне об этом, обнажая в улыбке все свои неестественно мелкие зубы. Я стал их белым китом. Местным мессией. Вот почему школа отстегнула денег не только на мое обучение, но и на транспортные расходы, а это не шутка, когда ты на каждые каникулы летаешь к матери в Лондон.

И все бы ничего, если бы не одно большое но: я ненави́дел регби. Я совершил фатальную ошибку, когда пережил мол¹ во время прошлогодней игры в своей школе в Лондоне и вроде как случайно привел нашу команду к победе. Я и старался-то только из-за Розы Милтон, которая в кои-то веки пришла на матч и в которую я был тайно влюблен два долгих мучительных года, — откуда мне было знать, что игру будет смотреть и главный тренер сборной Шеррингфорда. С первого ряда, выискивая таланты. Понимаете, у нас в школе Хайкомб была неплохая команда по регби.

Черт бы их всех побрал.

Особенно моих новых товарищей по команде: те-лячьи глаза, бычьи шеи. Если честно, я ненави́дел и сам Шеррингфорд с его гладенькими зелеными лужайками, безоблачным небом и центром города едва ли больше бетонной коробки, которую мне выделили в Миченер-холле. Центром, где есть минимум четыре кондитерские с капкейками, но ни одного места с нормальным карри. Центром, откуда всего час езды до дома моего отца. Он постоянно грозился, что приедет. И для меня это была именно угроза. Мать хотела, чтобы мы получше узнали друг друга; они развелись, когда мне было десять.

А по Лондону я скучал как по недостающей руке или ноге, несмотря на то что прожил там не так много лет, поскольку, хоть мама и уверяла, что в Коннектикуте я буду чувствовать себя как дома, это место больше напоминало тюрьму. Очень ухоженную тюрьму.

¹ Игровая ситуация в регби, когда игрока, который владеет мячом, силой удерживают на месте соперники.

Я пишу все это, чтобы вы поняли, что в сентябре того года я бы с удовольствием чиркнул спичкой и посмотрел, как Шеррингфорд сгорит к чертям. И все же еще до моей встречи с Шарлоттой Холмс я был уверен, что если мне и удастся с кем-то подружиться в этом жалком месте, то только с ней.

— Так ты *тот самый* Ватсон. — Том был в восторге. Его гладкий манчестерский акцент сменился самым чистым кокни¹, который я когда-либо слышал. — Дружище! Дорогой мой! Ватсон, иди ко мне, я тебя поцелую!

Комната, которую мы с ним делили, была такой крошечной, что мой вытянутый средний палец чуть не выколол ему глаз.

— Бредфорд, да ты гений. Серьезно. Сам шутку придумал?

— О, чувак, да это же идеально. — Мой сосед засунул руки в карманы вязаной жилетки с ромбами, которую всегда носил под форменным пиджаком. Сквозь дырку от моли было видно, как он шевелит большим пальцем. — Сегодня Лена закатывает вечеринку в Лоуренс-холле — сестра снабжает ее водкой. А кто у Лены соседка по комнате, тебе известно. — Он выразительно поднял брови.

Тут я все-таки закрыл книгу.

— Только не говори, что пытаешься свести меня с моей...

— С твоей второй половиной?

¹ Простонародный лондонский говор.

Думаю, вид у меня был сердитый, так как Том успокаивающе положил обе руки мне на плечи.

— Я не пытаюсь свести тебя с Шарлоттой. — Он отчетливо выговаривал каждое слово. — Я пытаюсь тебя *напоить*.

Шарлотта и Лена обосновались в цокольном этаже Лоуренс-холла. Как Том и обещал, пройти мимо коменданта общежития не составило труда. Помимо охраны, в каждом корпусе был свой комендант: пожилая женщина из местных, приглядывающая за учениками из-за своего стола. Она сортировала почту, заказывала торты на день рождения, выслушивала тоскующих по дому, но при этом была обязана следить за порядком. Комендантша Лоуренса славилась привычкой дрыхнуть на работе.

Вечеринка проходила в подвальной кухне. Помещение забивали тарелки и кастрюли, тут имелась даже ветхая плита на четыре конфорки, а сковородки были настолько побитыми, словно прошли войну. Том прижался к плите, пока я закрывал за нами дверь, и на его жилетке тут же отпечатались жирный след от ручки в форме полумесяца. Девушка, стоявшая рядом со стаканом в руке, слегка улыбнулась и снова повернулась к своим друзьям. Здесь было человек тридцать минимум, и все теснились как сельди в бочке.

Схватив меня за руку, Том принялся плечом прокладывать нам дорогу через крошечную кухню. Возникло чувство, что меня тащат через темный и влажный шкаф в какую-то пьяную Нарнию.

— Это местный барыга, он с придурью, — шепнул мне Том. — Продает наркотики. А это сын губернатора Шумера. Он наркотики *покупает*.

— Класс, — отозвался я, слушая вполуха.

— А вон тех двух девчонок видишь? Они «летуют» в Италии. Ну, это их словечко — как зимуют, только наоборот. Их папаши рулят офшорными делами по добыче нефти.

Я удивленно приподнял брови.

— Что такого? Я же нищий, я обращаю внимание на такие вещи.

— Ага. — Если это была шутка, то она получилась так себе. Несмотря на съеденный молью жилет, в нашей комнате у Тома стоял самый маленький и тонкий ноутбук, который я когда-либо видел. — Ты-то нищий.

— Смотря с кем сравнивать. — Том продолжал влочь меня за собой. — Мы же с тобой — верхушка среднего класса. Крестьяне.

На вечеринке было шумно и людно, но Том твердо вознамерился протащить меня до самой дальней стены. И я не понимал зачем, пока не расслышал из-за завесы сигаретного дыма странный голос.

— Играем в «Техасский Холдем»¹, — неестественно отчетливо произнес он с хрипотцой, словно какой-то пьяный греческий философ вещал на вакханалии. — Вступительный взнос сегодня пятьдесят долларов.

— Или душа, — прошептал другой голос, абсолютно обычный, и две девушки, сидящие перед нами, засмеялись.

Том повернулся ко мне с ухмылкой:

— Это Лена. А вот та — Шарлотта Холмс.

¹ Разновидность покера.

Первым, что я увидел, были ее волосы до плеч, прямые, черные и блестящие. Она склонилась над карточным столом, чтобы сгрести стопку фишек, и разглядеть лица я не мог. Не такое уж большое дело, сказал я себе. Не страшно, если я ей не понравлюсь. Ну и что, что когда-то, лет сто с лишним назад, на другом берегу Атлантики какие-то другие Ватсон и Холмс стали лучшими друзьями. Люди постоянно заводят друзей. Лучших друзей, даже здесь, в нашей школе. Десятками. Сотнями.

Ну и что, что у меня нет ни одного.

Внезапно она выпрямилась и зловеще улыбнулась. Черные тонкие брови ярко выделялись на бледном лице, подчеркивая серые глаза и прямой нос. Она выглядела одновременно строго, неброско, но при этом красиво. Не так, как обычно красивы девушки, но скорее как сверкающее лезвие, к которому хочется прикоснуться.

— Дилером становится Лена, — сказала она, отворачиваясь от меня, и только в этот момент я заметил акцент.

Я вспомнил, что она тоже из Лондона, как и я. На секунду мне так захотелось домой, что я был готов позорно бухнуться перед ней на колени и умолять почистить мне вслух — что угодно, хоть телефонную книгу, лишь бы этим экстравагантным голосом, который так не вязался с ее тонкой и угловатой девической фигурой.

Том сел, кинул пять фишек на стол (при ближайшем рассмотрении они оказались медными пуговицами с его форменного пиджака) и театрально потер руки.

Другой бы на моем месте сказал что-то остроумное. Что-то странное, забавное и еще немного мрачное,

что-то, что можно произнести шепотом, опускаясь на стул рядом. Что-то, что заставит ее резко поднять глаза и подумать: «Хочу узнать его поближе».

Мне сказать было нечего.

Я поджал хвост и слинял.

Том явился домой несколькими часами позже, без денег, но довольный.

— Она меня обчистила, — засмеялся он. — В следующий раз отыграюсь.

Так я узнал, что Шарлотта устраивает покер каждую неделю с тех самых пор, как приехала сюда год назад. Конечно же, водка от Лены заметно прибавила этому мероприятию популярности.

— Ну а Шарлотте — денег, — заметил Том.

Шли недели. Каждое утро, выключая будильник, я тщетно надеялся, что хотя бы сегодня неумолимая жизнь оставит меня в покое. Хуже всего был французский. Он шел первой парой, а вел его мсье Канн, деспот с красными подтяжками, чьи напомаженные усы выглядели как образец работы таксидермиста. Почти все тут учились в Шеррингфорде с первого курса, и в такую несусветную рань каждому хотелось только одного — обсудить прошлый вечер с друзьями. Я ничьим другом не был. В тот день я сел за пустую парту и попытался не заснуть до начала занятия.

— Я слышала, она вчера подняла баксов пятьсот, — сказала сидящая передо мной девушка, затягивая рыжие волосы в тугий хвост. — Наверняка тренируется онлайн. Так нечестно. Как будто у нее денег мало. Их семья явно не бедная.

— Закрой глаза.— Соседка легонько дунула рыжей в лицо.— Ресничка выпала. Да, я тоже это слышала. Ее мама герцогиня или что-то вроде. Но не важно. Видно, все ее денежки уходят Шарлотте в нос.

Рыжая оживилась.

— А я слышала, что в вену.

— Может, познакомит меня со своим дилером.

Прозвенел звонок, мсье Канн крикнул: «Bonjour, mes petites»¹, и в этот момент я понял, что впервые за многие недели мне совершенно расхотелось спать на первой паре.

Все оставшееся утро я думал об этом разговоре и о том, что все это значит. Шарлотта Холмс. Ни о ком другом они говорить не могли. С этой навязчивой мыслью я бродил по двору в обед, стараясь ни с кем не столкнуться. В сквере было полно народу, так что в общем-то нет ничего удивительного в том, что девушка, о которой я думал, будто выросла из-под земли прямо у меня перед носом.

Я не налетел на нее — уж не настолько я неуклюжий. Сначала мы оба замерли, после чего начались эти бестолковые телодвижения: шаг влево — шаг вправо — ты проходи — нет ты. Наконец я сдался. К черту все, подумал я упрямо, колледж маленький, и я не могу прятаться вечно, так что самое время рискнуть и...

Я протянул ей руку.

— Прости, мы вроде не знакомы. Я Джеймс. Новенький.

Она нахмурилась и посмотрела на мою руку с таким видом, будто я предлагаю ей сырую рыбину или

¹ «Доброе утро, крошки мои».

даже гранату. Был жаркий солнечный день, последний кусочек лета в начале октября, так что все разгуливали, небрежно закинув пиджак на плечо или сунув подмышку. Свой я убрал в сумку, к тому же, идя по дорожке, ослабил галстук, но Шарлотта Холмс была одета безукоризненно, будто собралась читать лекцию по этикету. Вместо плиссированной юбки, как у большинства девушек, на ней были обтягивающие темно-синие брюки. Белая оксфордская рубашка застегнута на все пуговицы, а галстук выглядит так, словно его отпарили. Вместо духов от нее пахло мылом — я стоял достаточно близко, чтобы уловить аромат, — а на лице не было ни капли макияжа, будто она только что умылась.

Всю жизнь я пытался представить себе подобный образ и мог бы смотреть на эту девушку часами — не щурясь она с явным подозрением. Наверное, я сделал что-то не так.

— Я Холмс, — произнесла она наконец своим удивительным шершавым голосом. — Но ты ведь и так знаешь.

Она явно не собиралась жать мне руку, так что я спрятал обе в карманы.

— Ну да, — признался я. — Значит, и ты меня знаешь. Это, конечно, немного странно, но я подумал...

— Кто подкинул тебе идею? — Ее лицо еле заметно смягчилось. — Добсон?

— Ли Добсон? — Удивившись, я отрицательно покачал головой. — Нет. Какую идею? Конечно, я знал, что ты будешь здесь. В Шеррингфорде. Моя мама сказала, что Холмсы отправили тебя сюда; она общается с твоей тетей Араминтой. Они познакомились на каком-

то благотворительном ужине. Так? Подписывали рукопись «Его прощального поклона». Ее отправили потом больным лейкемией или кому-то там еще, и теперь они регулярно переписываются. Ты на моем курсе? Я так и не понял. А, нет, вижу у тебя учебник по биологии, так что ты, наверное, на втором. Дедукция, ага. Впрочем, не суть.

Я понимал, что несу чушь и выгляжу идиотом, но она по-прежнему стояла прямо и неподвижно, как восковая фигура. Это настолько не сочеталось с тем образом властной и своевольной девушки с вечеринки, что я не мог понять, что с ней произошло. Но моя болтовня, похоже, немного успокоила Шарлотту, и пусть я не был забавным, мрачным или остроумным, постепенно ее плечи расслабились, а глаза стали чуть менее печальными.

— Конечно же, я знаю, кто ты, — сказала она, когда я наконец остановился перевести дух. — Тетя Араминта рассказывала о тебе, и Лена, естественно, тоже. Привет, Джейми.

Она протянула мне свою миниатюрную белую руку, и я пожал ее.

— Вообще-то я терпеть не могу, когда меня называют Джейми, — проговорил я с трудом, — так что лучше уж зови меня Ватсоном.

Холмс скривила губы в легкой ухмылке.

— Хорошо, Ватсон, — сказала она. — Мне пора на обед.

Разговор, определенно, был окончен.

— Ладно, — сказал я, едва скрывая разочарование. — Мне тоже пора к Тому.

— Ну, пока. — Она аккуратно обошла меня.

Но я не мог это так оставить и крикнул ей вслед:

— Что я сделал не так?

Холмс бросила на меня через плечо непроницаемый взгляд.

— На следующих выходных школьный бал, — бросила она сухо и пошла дальше.

Как говорят, — а точнее, как говорит моя мама, — Шарлотта — яркий представитель семьи Холмс. В устах моей матери это не комплимент. По идее, за столько лет наши семьи должны были отдалиться друг от друга, и в целом так и произошло. Но моя мать постоянно наталкивалась на Холмсов — то на благотворительном аукционе Скотленд-Ярда, то на церемонии вручения премии «Эдгар», либо, как было с тетей Араминтой, на аукционе вещей Артура Конана Дойла — литературного агента моего прапрапрадедушки. Меня всегда манил образ этой девушки, единственной моей ровесницы из семьи Холмс (ребенком я представлял, как мы знакомимся и вместе отправляемся навстречу приключениям), но мама всякий раз охлаждала мой пыл, при этом ничего о ней не рассказывая.

Единственное, что я знал, — ей было десять, когда полиция впервые позволила ей участвовать в расследовании. Бриллианты, которые она помогла найти, оценивались в три миллиона фунтов. Мой отец рассказал мне об этом во время своего еженедельного звонка, пытаясь как-то расположить меня к себе. Не сработало. Ну, или, по крайней мере, сработало не так, как он хотел. Мне месяцами снилось это дело о краже бриллиантов. Где я рядом с ней, ее верный напарник. В одном

